

В статье «Последняя воля Ломоносова» («Звезда», 1956, № 4, стр. 167—172) Александр Морозов подвергает чрезвычайно резкой критике седьмой том Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, издаваемого Академией наук СССР.

Основное обвинение, предъявленное А. Морозовым составителям тома, заключается в том, что они допустили, по его мнению, «модернизацию» ломоносовского текста. Под модернизацией критик понимает передачу текста по правилам современной орфографии и пунктуации.

Такой способ передачи текста принят не в одном только седьмом томе, а во всех томах данного издания. Этот вопрос подвергался в свое время тщательному и широкому обсуждению с привлечением авторитетных филологов, специалистов по XVIII веку. В итоге обсуждения были разработаны и утверждены еще в 1950 г. главным редактором издания, покойным акад. С. И. Вавиловым соответствующие правила. Способ передачи филологических текстов Ломоносова обсуждался, кроме того, еще специальным совещанием, созванным 19 декабря 1951 г. Институтом языкознания Академии наук СССР в Москве, и Археографической комиссией при Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР 3 марта 1952 г. Было решено, что в седьмом томе орфография и графика Ломоносова будет сохранена только в примерах, которые он приводит в «Российской грамматике», и в его черновых подготовительных материалах к последней, все же остальные тексты будут переданы по современной орфографии. Этому решению и следовали составители седьмого тома. Таким образом, ни о каком археографическом произволе с их стороны не может быть и речи.

Способ передачи текстов, принятый в этом и в других томах, рекомендован и новейшими «Правилами издания исторических документов», изданными в 1955 г. Институтом истории Академии наук СССР, Главным Архивным управлением и Историко-архивным институтом и явившимися продуктом широчайшего общественного обсуждения во всеоюзном масштабе. В этих правилах (ст. 56, стр. 22) прямо сказано, что «документы, сохранившиеся в рукописях, начиная от середины XVIII в., передаются по правилам современной орфографии».

Академическое собрание сочинений Ломоносова рассчитано не на узких специалистов и, в частности, не на тех весьма немногочисленных языковедов, которые занимаются историей русского правописания. Такие специалисты, если они подлинно исследователи, и не станут обращаться к собранию сочинений, а углубятся в изучение подлинных рукописей и первоизданий. Седьмой том, как и все другие томы данного издания, учитывает нужды широкого читателя, которому важна не устаревшая орфографическая оболочка ломоносовских текстов, затрудняющая подчас их понимание и искусственно отдаляющая их от нас; советскому широкому читателю сочинений Ломоносова важна их смысловая, стилистическая и фонетическая сторона, сохранению которой новая орфография ничуть, разумеется, не мешает.

А. Морозов держится иного мнения и, считая, что новая орфография искажает фонетическую сторону текста, упрекает составителей седьмого тома, например, в том, что слова «верх», «первый», «твердь» они печатают без мягкого знака внутри слова (верх, перьвый, твердь). Это нарушает, по словам А. Морозова, «волю Ломоносова», который, как утверждает критик, «настойчиво насаждал именно русское», т. е. мягкое, произношение «р» в этих случаях. С этим утверждением А. Морозова никак нельзя согласиться. Ломоносов, хоть и писал иногда «первое» и «твердь», но отнюдь не «насаждал» ни такого написания, ни такого произношения, а делал обратное. В § 120 «Российской грамматики» он говорит весьма осторожно, что «случаются сомнения», как писать — «первый или первый», и что «твердит пишем, а выговариваем твердит», причем относит такое произношение к «просторечию». Это просторечное произношение Ломоносов вовсе не возводит в норму. В той же «Российской грамматике», нормативный характер которой общепризнан, Ломоносов пишет: «первой» (§ 258), «первойнадесять» (§ 259), «впервые» (§ 455). Если же мы заглянем в корректурные оттиски первого издания той самой «Риторики», о которой толкует А. Морозов, то увидим, что Ломоносов своей рукой тщательно переправлял «перьвой», «перьвое», «перьвым» на «первой», «первое», «первым» (§§ 2, 4, 8, 10 и др.). Так обстоит дело с написанием этого слова. Что же касается его произношения, то особенно показателен в этом отношении известный стих Ломоносова:

О мастер в живописстве первой,

где слово «первой» рифмуется с «Минервой» и где мягкое произношение «р» тем самым исключено. Совершенно ясно, таким образом, что составители седьмого тома не нарушили, а наоборот, строго соблюли волю Ломоносова, убрав мягкий знак из тех слов, где — по авторскому или типографскому недосмотру — он не был выкинут.

В седьмом томе, как и в других томах, знаки препинания проставлены по возможности на основе существующих ныне норм. Так рекомендуют действовать и новейшие «Правила издания исторических документов» 1955 г. (ст. 58), что вполне разумно, так как в середине XVIII в. в этой области наблюдалась еще большая не-

устойчивость и некоторые знаки препинания несли не ту функцию, какую несут сейчас. При таких условиях сохранение старой пунктуации оказало бы дурную услугу тому непривычному к ней читателю, на которого рассчитано данное издание. Но возможность придерживаться современной пунктуационной системы существует не всегда: она отпадает, когда строй ломоносовского предложения резко отклоняется от теперешних норм русского синтаксиса. Так, например, у Ломоносова изредка встречаются предложения, где подлежащее оказывается внутри деепричастного оборота. В таких случаях деепричастный оборот не может и не должен отделяться от остальных частей предложения запятыми. Составители седьмого тома это учитывают (см., например, § 67 «Риторика», стр. 149: «Внезапно из помянутых облаков...»). Но когда подлежащее находится за пределами деепричастного оборота и только примыкает к нему, что никак не противоречит современным синтаксическим нормам, то отказываться от применения существующих правил пунктуации нет основания. И если составители седьмого тома напечатали:

В тополовой тени гуляя, муравей
В прилипчивой смоле увяз ногой своей,

то правы они, а не А. Морозов, который, упрекая их в «модернизации», требует перенесения запятой в конец первого стиха. Нельзя не отметить, что сам А. Морозов, когда выступает в качестве текстолога, не подчиняется требованиям А. Морозова-критика: в выпущенной издательством «Советский писатель» в 1954 г. книжке «М. В. Ломоносов. Стихотворения» («Библиотека поэта», малая серия), где тексты подготовлены А. Морозовым, взволновавшая его запятая стоит благообразно на том же месте, что и в академическом издании седьмого тома, — перед словом «муравей». Впрочем, в пределах этого же самого стиха А. Морозов-текстолог находит всё-таки случай отступить от текста седьмого тома, а заодно и от ломоносовской рукописи, и от всех трех прижизненных изданий «Риторика»: вместо ясно читаемого в рукописи и последовательно повторенного в этих изданиях «тополовой» А. Морозов печатает «тополовой». Это не опечатка: так напечатано и в тексте, и в примечаниях, и в оглавлении (стр. 283, 334 и 344).

Несерьезны и другие сетования А. Морозова на современную пунктуацию, которая, по словам критика, «иногда приводит даже к искажению смысла». Ни одного случая, когда смысл текста был бы действительно искажен, А. Морозов не цитирует.

Второе обвинение, которое А. Морозов тоже считает важным, сводится к тому, что составители седьмого тома, печатая «Риторику» Ломоносова, избрали в качестве основного текста ее последнее прижизненное издание, вышедшее в 1765 г. По мнению критика, печатать ее следовало по предыдущему изданию 1759 г., а не по изданию 1765 г., которое, как утверждает А. Морозов, «тютелька в тютельку повторяет первое издание «Риторика» 1748 г. и притом по дефектному, не выправленному даже в свое время экземпляру».

Чтобы не вдаваясь в мелочи, судить о том, насколько справедливо это последнее утверждение критика, достаточно сравнить тексты хотя бы одного параграфа «Риторика» по всем трем прижизненным изданиям.

Издание 1748 г.

Издание 1765 г.

(то же в издании 1759 г.)

§ 148. Вымыслами называются предложения, которых действительно на свете не бывало или хотя и были, однако некоторым отменным образом. И посему разделяются вымыслы на чистые и смешанные. Чистые состоят из предложений дел или вещей, которых нет и не было, как писал Апулей о золотом осле и Петроний свой Сатрикон. Смешанные вымыслы состоят из правдивых вещей или действий, однако таким образом, что чрез разные выдуманные прибавления и отмены с оными много разнятся. Таковы суть Гомерова Илиада и Одиссея, Virgiliева Енеида и Похождение Телемаково.

§ 148. Вымыслом называется идея, противная натуре или обыкновениям человеческим, заключающая в себе идею обыкновенную и натуральную и одну собою великолепнее, сильнее или приятнее представляющая. От витиеватой речи тем разнится, что сия больше состоит в мыслях и тонких рассуждениях, а вымысл от мысленных вещей отъемлется и представляется живо, как нечто чувствительное.

О разделении вымыслов на чистые и смешанные говорит в издании 1765 г. другой параграф. Если мы сравним тексты §§ 149, 150 и 151, то убедимся, что и там между изданиями 1748 г. и 1765 г. наблюдается столь же существенное расхождение. В изданиях 1748 г. и 1759 г. текст «Риторика» предшествует обширному посвящению. В издании 1765 г. посвящения нет. В текст § 146 издание 1765 г. вносит слова, которых не было в изданиях 1748 г. и 1759 г., а заключительные строки § 107 в издании

1765 г. даны, наоборот, в несколько сокращенной редакции, и притом в такой, которой не встречаем ни в предшествующих двух изданиях, ни в корректурных оттисках первого издания, ни в рукописи.

Дальнейшие сопоставления излишни. Сказанного достаточно, чтобы убедиться в полной неосновательности утверждения А. Морозова, будто издание 1765 г. является точным повторением издания 1748 г. Но если бы даже эти два текста совпадали, то как могли составители седьмого тома игнорировать тот совершенно бесспорный факт, что в январе 1765 г., сдавая «Риторику» в набор, Ломоносов не пожелал перепечатывать текст предыдущего издания 1759 г., а дал типографии другой текст?

А. Морозов отлично понимает всю значительность этого документально установленного факта, о чем не так давно заявлял и в печати. Если в первом издании его книги «Михаил Васильевич Ломоносов» было сказано кратко и неточно: «Второе [?] издание «Риторики» вышло только в 1764 [?] году, когда было отпечатано еще 1200 экземпляров» (стр. 482), то во втором издании той же книги, выпущенном в конце 1952 г., «дополненном и переработанном», А. Морозов, исправляя свои ошибки, пишет: «Второе издание «Риторики» Академия наук выпустила только в 1765 году, когда было отпечатано еще 1200 экземпляров», и добавляет к этому следующую, особенно примечательную сноску: «Тем временем Московский университет напечатал в 1759 году «Риторику» Ломоносова как второй том собрания его сочинений «с сочинительскими исправлениями», как было указано на титульном листе. Однако во второе академическое издание «Риторики» большинство этих исправлений Ломоносова перенесено не было» (стр. 445). Все эти последние сообщения А. Морозова верны, все они почерпнуты из седьмого тома сочинений Ломоносова (о чем А. Морозов не счел нужным упомянуть) и все они говорят о том, что А. Морозов придает должное значение изданию 1765 года.

Но у А. Морозова-автора один способ обращения с фактами, а у А. Морозова-критика — несколько иной. Так, в своей статье он высказывает предположение и даже более того — утверждает, будто Ломоносову «отказали» в перепечатке текста 1759 г. Этот ни на чем не основанный и ничем не подкрепленный домысел совершенно несостоятелен. Он не только вполне произволен, он в такой же степени и неправдоподобен. Зная положение Ломоносова в Академии наук, где он был в эту пору одним из правящих лиц, зная его нрав и его весьма внимательное отношение к своим научным текстам, никак нельзя допустить, чтобы кто-то мог «заставить» его печатать «Риторику» не в том виде, в каком он хотел. Да и кого, кроме самого Ломоносова, могла интересовать при тогдашних условиях эта чисто текстологическая и только текстологическая проблема?

Составители седьмого тома имели бы право обойти последнее прижизненное издание «Риторики» лишь в том случае, если бы оно было, как выражается А. Морозов, «дефектным». Но никаких дефектов в тексте этого издания критик не указывает. Да их и нет. Если мы внимательно вчитаемся в текст хотя бы тех же §§ 148—151, о которых уже шла речь, то увидим, что в издании 1765 г. текст этих параграфов проще и яснее, чем в издании 1748 г. и 1759 г., и содержит при этом такие положения, которых в двух предыдущих изданиях нет: например, об отличии «вымыслов» от «вйтиеватой речи» (§ 148), о значении «вымыслов» для «возвышения слова» (§ 150) и др.

Единственный порок издания 1765 г., указанный А. Морозовым, но в седьмом томе, разумеется, не воспроизведенный, заключается в том, что в конце книги типография, конечно по своей оплошности, механически перепечатала тот самый список «погрешностей», т. е. опечаток, который был приложен к изданию 1748 г. Этот чисто технический недостаток, не имеющий никакого отношения к качеству текста «Риторики», не был устранен и не мог быть устранен Ломоносовым. Причина ясна: первые 15 листов издания 1765 г. печатались в январе и феврале этого года, когда Ломоносов был вполне дееспособен и даже весьма активен, последние же пять листов (в их составе и список погрешностей) печатались в марте, а около 7 марта Ломоносов тяжело заболел и к концу месяца был уже при смерти.

Можно, следовательно, констатировать, что, избрав в качестве основного текста «Риторики» издание 1765 г., составители седьмого тома поступили правильно. Один из ученых рецензентов тома, проф. П. Н. Берков оценил это как серьезное достоинство новой публикации «Риторики» («Вопросы языкознания», 1953, № 6, стр. 111). Нельзя не добавить, что лица, интересующиеся другими прижизненными изданиями «Риторики», могут составить себе по седьмому тому исчерпывающее представление и о них, если познакомятся с вариантами, приведенными в сносках к основному тексту.

Дальнейшие замечания А. Морозова касаются уже не общих вопросов, а отдельных ошибок и упущений составителей тома и не замеченных ими опечаток.

Отдельные ошибки, упущения и опечатки действительно имеются. Их можно насчитать даже несколько больше, чем насчитал А. Морозов. Если к тексту § 172 «Риторики» не приведен вариант по изданию 1759 г., а в сносках к §§141 и 165 варианты по этому изданию приведены неполно, если вместо «сидит», «проповедающий», «седемисот», «не пристойно», напечатано «сидит», «проповедующий», «семи сот», «непристойно», если к стиху «Однако с ним любовь моя» не дано ни текстологической сноски, ни примечания, где оговаривалась бы возможность дру-

гого чтения этого стиха,— то все это несомненно промахи составителей тома. Если слово «эклога» они напечатали не через «э», а через «е», то это столь же несомненная их непоследовательность. Повинны они, наконец, и в том, что проглядели несколько опечаток и не оговорили их в списке исправлений.

К числу упущений составителей можно, пожалуй, отнести и то обстоятельство, что во вводной статье не пояснен принцип отбора разночтений. Однако же внимательный читатель уловит этот принцип и без пояснения: в сносках к основному тексту даны варианты смысловые и стилистические. «Собака» и «пес», «осязаю» и «щупаю», «искосив» и «изворотив», «престол» и «седалище» — в каждой из этих четырех пар синонимов налицо разная стилистическая окраска. Такие варианты приводятся поэтому в сносках. А между словами «знатное» и «особливое», «великолепные» и «преизрядные» стилистического различия нет, и потому такие варианты в сносках не приводятся.

Если отсеять в статье А. Морозова справедливое от несправедливого и верное от неверного, то в итоге все полезное в ней сведется только к указаниям на восемь частных текстологических ошибок, да на одиннадцать опечаток, отысканных на протяжении 996 страниц. Даже и подобный процент ошибок и опечаток — явление, что и говорить, весьма неприятное, но все же не такое, которое давало бы критику право пренебрегать обязательной в научной полемике корректностью и шельмовать огульно весь том, где ценой большого исследовательского труда собраны и прокомментированы с небывалой полнотой все филологические работы Ломоносова. Вспоминаются в связи с этим предшествующие отзывы о седьмом томе (проф. П. Н. Беркова — «Вопросы языкознания», 1953, № 6, стр. 107—113; проф. П. С. Кузнецова — там же, стр. 113—120; проф. Ф. П. Филина — «Советская книга», 1953, № 5, стр. 108—113), в которых рецензенты, профессиональные филологи, сделав ряд несравненно более существенных и тонких, чем у А. Морозова, критических замечаний, сочли необходимым заявить о «серьезном научном значении рецензируемой книги» (П. Н. Берков), об ее «огромной ценности для советского читателя» (П. С. Кузнецов), о «большой и кропотливой работе» составителей (Ф. П. Филин) и признать седьмой том «в текстологическом отношении стоящим на высоком научном уровне» (П. Н. Берков).

Нельзя не отметить в заключение, что А. Морозов, проявив достойное всякой похвалы рвение в выискивании чужих опечаток и осудив их весьма сурово, отнесся гораздо более снисходительно к своему собственному тексту: на четырех с половиной страницах он допустил три опечатки или описки: «приведена» вместо «проведена» (стр. 169), «в XVII веке» вместо «в XVIII веке» (стр. 171) и «зыблется» вместо «зыблешься» (стр. 171). Последняя описка, повторенная на одной странице дважды, достойна в сущности несколько иного наименования. Во всех прижизненных изданиях «Риторика» читаем в § 127: «Что зыблешься, мой дух?». Так напечатано и в седьмом томе (стр. 203). Но А. Морозов прочитал это почему-то иначе: «Что зыблется мой дух?» И, исходя из такого, заведомо неверного чтения, поставил в укор составителям запятую, которой они совершенно правильно отделили обращение «мой дух». Прибегать к такого рода приемам не годится.

*В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов,
Г. П. Блок*